

Виктор Пронин

Маета

*Часть сборника
Выигрывать надо уметь
(сборник)*

Виктор Пронин

Маета

«ЭКСМО»

Пронин В. А.

Маета / В. А. Пронин — «Эксмо»,

«Еще с вечера я решил, что утром сяду писать рассказ. Мужественно отказался от встречи с Юрием Ивановичем, по телефону извинился перед Равилем, еще кое-куда позвонил: не могу, дескать, нечто чрезвычайное... Ну, и так далее. В общем, умыкнулся, чтобы уж никакие события, никакие случайности не повредили рассказу, который начну завтра утром...»

© Пронин В. А.

© Эксмо

Виктор Пронин Маета

Еще с вечера я решил, что утром сяду писать рассказ. Мужественно отказался от встречи с Юрием Ивановичем, по телефону извинился перед Равилем, еще кое-куда позвонил: не могу, дескать, нечто чрезвычайное... Ну, и так далее. В общем, умыкнулся, чтобы уж никакие события, никакие случайности не повредили рассказу, который начну завтра утром.

Стол, конечно, был завален бумагами, письмами, какими-то листочками с телефонными номерами, таблетками от головной боли, визитными карточками, командировочными удостоверениями, проездными билетами. Все это я рассовал по конвертам, ящикам, а большую часть бумажного хлама попросту смахнул на пол. На освободившееся место установил пишущую машинку, рядом положил стопку чистой бумаги, еще раз убедился, что со стола убирать больше нечего, и лег спать, хотя по программе «Время» еще передавали сводку погоды на завтра. Она меня не интересовала – чем хуже будет погода, тем лучше для рассказа.

Проснулся я, когда солнце било в окна, а стекла, кажется, прогибались под напором сильных горячих лучей. И тут же обрадованно вспомнил о рассказе. Меня охватило тревожное чувство, запомнившееся с давних времен, когда мне было лет десять-двенадцать и я просыпался в день своего рождения. В моей жизни было всего несколько таких пробуждений, и в то утро, когда я должен был сесть за рассказ, пробуждение оказалось таким же вот радостным и тревожным. Заструились начальные слова, заголовки, мутными белесыми пятнами промелькнули лица друзей, врагов, прежних и нынешних начальников, женские лица, к сожалению, не всегда приветливые и восхищенные мною, далеко не всегда. Подчиненные не возникли перед моим мысленным взором, поскольку у меня никогда их не было. Может быть, это хорошо, может быть, плохо. Но я об этом не сожалел. Мне почему-то казалось, что, если бы я был начальником, если бы в моем подчинении было хоть несколько человек, я бы никогда не смог написать рассказ. А если бы и написал, то это был бы вовсе не тот рассказ, который мне хотелось написать. И вообще это был бы не мой рассказ. В нем обязательно появился бы плохой работник, хороший руководитель, а работник неизбежно прогуливал бы, пил бы водку в неумеренных количествах, а руководитель, чтобы лучше и быстрее повлиять на него, познакомился бы с его женой, а та оказалась бы красивой и печальной женщиной, любительницей поэзии и романсов, а руководитель, едва увидев ее, понял бы, что жизнь его до сих пор была сущим прозябанием, и если кто нуждается в перевоспитании, то это он сам, уважаемый и унылый руководитель, у которого...

Ну и так далее.

Нет, не буду я писать этот рассказ, пусть его пишет начальник, пусть поручает это подчиненным, пусть...

Домашние еще спали, и я, встав раньше всех, бесцельно и босо ходил по комнатам, выглядывал в окна, смотрел, как на школьном стадионе появились первые бегуны, как убегали они от инфаркта, но не очень быстро, не очень. Если бы инфаркт захотел, то наверняка догнал бы любого из них на первом же круге. Похоже, он просто играл с ними в поддавки, внушая ложную и опасную мысль о том, что они и в самом деле могут убежать от него.

Бродя по квартире, я наткнулся на свой стол, потрогал клавиши машинки, убедился, что стопка бумаги вполне достаточна, и пошел на кухню варить кофе. И пока шел, ясно, осязаемо видел себя со стороны – небритый, всклокоченный, в великоватых пижамных штанах, с растерянным взглядом, босой и счастливый.

«А не напоить ли мне ее чаем?» – возникла вдруг странная мысль, и я даже остановился от неожиданности. Но нет, мысль продолжения не получила, и я тут же забыл о ней. Смиренность охватила все мое существо, и я понял, что это хорошо. Ничто в это утро не должно рас-

строить меня, лишит самообладания, повергнуть в раздражение, недовольство, гнев. Иначе никакого рассказа не получится. И я не смогу написать его ни завтра, ни через год, никогда. А если что-нибудь и напишу, то это будет нечто совершенно иное, слабее и беспомощнее.

Постепенно просыпались домашние – не хочу даже говорить о них подробно, потому что я воспринимал их не как близких мне людей, а как некую помеху, которая должна со временем исчезнуть. Они о чем-то разговаривали, выясняли важные вопросы, искали потерянные носки, щетки, шлепанцы, обвиняли друг друга в кознях и нерадивости, потом жарили, кипятили, звонили по телефону, что-то требовали от меня, в чем-то упрекали и стыдили.

Я оставался смиренным и всепрощающим. Кивал головой, улыбался, неслышно передвигался по квартире, подметал пыль длинными пижамными штанами. Домашним казалось, что я безразличен к их жизни, что я угрюм и недоволен ими, людьми душевными и участливыми. И с этим я смирился. Скользил по комнатам бесшумной тенью, стараясь не вслушиваться в их голоса, не вникать в их заботы, я пережидал, прятался за углами, в дальней комнате, сидел, запершись в ванной, пока нетерпеливый стук в дверь не вынуждал меня покинуть это убежище.

Наконец разошлись.

Грохнула в последний раз дверь на площадку, и в квартире наступила тишина. Такую тишину я слышал только однажды – на острове Кунашире. Как-то ночью я отбился от пограничников и, чтобы не заблудиться, не пропасть, до утра просидел среди прибрежных валунов. Ничто в мире не нарушало ни тишины, ни темноты. Только на самом горизонте чуть заметно светилось несколько слабых, почти исчезающих огоньков – там начиналась Япония. Это было в тот самый мой приезд на Кунашир, когда произошло извержение вулкана Тяти – вулканическая пыль поднялась на несколько километров, достигла берегов Филиппин и Полинезии, а корабли, которые в это время...

Нет, не годится. Рассказ должен быть не об этом. Нет ничего хуже, как писать о диковинных местах, экзотических странах, высокопоставленных людях. Это слишком простой, вульгарный путь. Только когда пишешь об обычном, привычном, появляется возможность взглянуть поглубже, попристальнее...

И я начал постепенно, медленно, кругами и причудливыми петлями приближаться к машинке, я уже был совсем недалеко от нее, уже различал буквы на клавишах, как вдруг заорал кот – требовал рыбы. «Хорошо», – вздохнул я и отправился на кухню. Открыл холодильник, нашел мятую, много раз прожженную кастрюлю. К этому времени вопли кота сделались совершенно нестерпимыми, он с силой тыкался мордой в мои ноги, урчал, мурлыкал и снова орал – уже не от голода, уже в предвкушении пиршества. Щедро вывалив в миску вареного минтая, сунув кастрюлю обратно в холодильник, чтобы кот не добрался до нее, я осторожно двинулся в сторону письменного стола.

Сел.

Придвинул машинку.

Вставил чистый лист бумаги. Но как-то неудачно вставил, видно, торопился – один уголок оказался заломленным. Я расправил его, подровнял лист, снова зажал валиком и уже взмахнул руками, чтобы напечатать название, как взгляд мой неожиданно наткнулся на заломленный уголок листа. Расправил его еще раз, тщательнее. Но теперь оказался перекошенным весь лист. Отжав рычаг, я поправил его, хотя почувствовал, что лист уже не настолько мне нравится, чтобы начинать именно на нем писать рассказ. Ладно, стерплю. Можно начинать. Но уголок не отпускал меня, требовал внимания, участия, понимания. Он словно что-то хотел сказать, о чем-то предупредить, вмешаться в мои намерения.

Я отвернулся к окну, закрыл глаза. И снова увидел тот надломленный уголок. Какая-то косая, угластая ухмылка виделась мне в его надломе. Тогда я решительно и бестрепетно выдернул лист из машинки, смял и не глядя бросил его за спину.

Вставил новый. Этот вошел хорошо. Видимо, тот, угластый, влез без очереди.

Так, теперь все в порядке. Пора начинать.

На кухне кот, вылизывая жестяную тарелку, языком загнал ее под дверь и пытался вытащить. Где-то за окном начинающий автомобилист учился преодолевать подъем. Потом из-за стены донеслись рулады Пугачевой – она заклинала тучу, чтоб та убиралась подобру-поздорову. Пугачева поперхнулась и смолкла. Кто-то затянул песню про морячку, которая никак не может встретиться с рыбаком, но голос был такой радостный, что стало ясно – не надо им встречаться, так будет лучше. Стремитесь друг к дружке, пишите, перезванивайтесь, рассказывайте всем и каждому, как вам тяжело друг без друга, а встречаться не надо. Ничего хорошего из этого не выйдет. Так мне подумалось, но слов, истинных слов песни я разобрать не мог. Пришлось отправиться в ванную. Там я взял большой таз, приложил его к стене, из-за которой доносилась песня, а к доньшку таза прижался ухом. Слова стали более внятными, но встретились ли рыбак и морячка или остались коротать жизнь разлученными, установить не удалось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.